

«Пахать землю, учить молодежь быть честной»

моск. кр. 90г. - 1998, - 24 сент. - с. 6

170 лет со дня рождения Льва Толстого

Татьяна СЕРГЕЕВА

Русский художник (в широком смысле слова) в двадцатом столетии по молодости стремился быть авангардистом, футуристом, акмеистом, «ничевоком» в конце концов, искал новых, особенных, доселе невиданных форм. К позднему же сроку жизни понимал, что «нельзя не впасть, как в ересь, в неслыханную простоту».

У Льва Толстого, чья жизнь, как у какого-нибудь библейского Мафусаила, пролегла через два столетия - с 1828 по 1910 годы, все было не так. Он не искал специально никаких новых форм, а прежде всего написал о своем детстве, отрочестве и юности, обычно об этих фазах становления личности вспоминают глубокими стариками. Уже в первых своих сочинениях он избрал своим богом правду и сделал художественно-психологическое открытие, которое чуткий не к одним социальным-политическим вопросам Чернышевский определил как «диалектику души». А открытия формальные, вроде потока сознания, которые к удовольствию интеллектуальной западной публики развивали дети новейшего времени Пруст и Джойс, были сделаны автором «Войны и мира» попутно, когда он определил для себя романную структуру как «сцепление мыслей». Сказанное не означает, что Толстой не опробовал новых методов и стилей письма, но прием никогда не выступал у русского гения впереди содержания, поскольку «новых словес» требовало именно новое содержание либо иной адресат, то есть иной читатель.

Но каков же он был в молодости, задумывая себе жизненную программу впрок - «пахать землю, учить молодежь быть честной», если и в старости не потерял вкус к непрерывным исканиям! «Азбука» создавалась в 1871 - 1875 годах, а параллельно шла работа над «Анной Карениной». Началось-то все гораздо раньше, когда участвовавший в Севасто-

польской страде как артиллерийский офицер, но еще неженатый, только перешагнувший порог тридцатилетия тульский помещик Толстой открыл в Ясной Поляне школу и стал заниматься с крестьянскими детьми. Это был обоюдный процесс познания, когда не только воспитатель влиял на учеников, но и ученики воспитывали учителя, питали его знанием о крестьянской России. Эти уроки не прошли бесследно. К примеру, когда он писал «Хаджи-Мурата», то по обыкновению правил и правил страницы, посвященные истории Кавказа и эпохе Николая I, а вот описание крестьянской избы было исполнено с одного раза, так хорошо ему был знаком материал.

В сущности, все позднейшее «учительство» Толстого имеет своим истоком тот первый - школьный опыт. А уж его «Азбука», «Новая азбука», «Русские книги для чтения» - тем более.

После обыска и разгрома в яснополянском имении, после женитьбы, под влиянием собственных решений и уговоров молодой жены Толстой закрыл школу. А в конце 1884 года в имение пришел наняться солдат, в котором Толстой узнал своего бывшего ученика, «умного мальчугана в веснушках, с доброй улыбкой, и довольно долго поговорил с ним». Солдата устроил управляющим в самарском имении, очень понравилось воспоминание. Софья Андреевна ответила на письмо мужа так: «Описание твое деревенских детей, жизни народа и проч. ваши сказки и разговоры, все это, как и прежде, при Яснополянской школе, осталось неизменно. Но жаль, что **своих** детей ты мало полюбил; если бы они были крестьянские дети, тогда было бы другое». Софья Андреевна пишет не «крестьянские дети», а «крестьянкины», то есть дети крестьянки, замечает Виктор Шкловский. Она ревнует к женщине, а должна быть ревновать к деревне.

И это притом, что Софья Андреевна сама торговала этими книжками. При жизни Толстого «Азбука», несмотря на свою дорогую цену - она стоила двадцать копеек, была переделана и изда-

на 28 раз. Любопытно, что книги продавали не по счету, а по весу, зная, сколько экземпляров идет на пуд. С мальчиком из книжного магазина на Никольской улице, где торговали главным образом книгами для народа, присылали в дом писателя на Хамовниках деньги за пуд «Азбуки».

Передо мною «Рассказы из «Азбуки», изданные с замечательными иллюстрациями знатока русского крестьянского быта А.Ф. Пахомова в Калининграде и привезенная для внучки нынешним летом из Питера. В Москве почему-то такое книжное чудо не встретилось. Простые и мудрые слова, в которых изложены простые и мудрые жизненные ситуации и нравственные правила на всю жизнь. То, что впитывается с молоком матери и закладывается в глубинах человеческого памяти. Говоря научным языком, это архетипы, нравственные устои, те установки, которые диктуют нам, безошибочно подсказывают, как поступать в том или ином случае. Если, конечно, мы не вовсе разучились слышать внутренний голос, отчетливо выговаривающий: это хорошо, а то дурно, а вот так нельзя делать ни при каких условиях. Правда, в конце второго тысячелетия обнаружился нравственный феномен, вовсе неизвестный людям чести прошлых эпох. Явились человеческие существа, в том числе и в наших родных палестинах, кто, отлично различая добро и зло, сознательно выбрали зло. Видно, мимо них прошли нравственные азбуки - и народные, и писательские...

О двух жемчужинах скажу особо. Басно «Старый дед и внучек» не мешало бы на гигантских рекламных щитах по всей Москве развешать - вещь слова в ней произносится. Когда сын и невестка перестали старика отца за стол сажать - все им в доме портит и чашки бьет, сынишка маленький стал из деревянных чурочек загодя мастерить лоханку. Когда батюшка с матушкой стары будут, из этой лоханки их кормить и станет. Муж с женой поглядели друг на друга и заплакали. Им стало стыдно за то, что они так обижали старика; и стали с тех пор сажать

его за стол и ухаживать за ним. Но проймешь ли сегодня кого такими побасенками - неуязвима у возгордившихся представителей «новорусской» породы броня, нечувствительна к уколам совести, иначе как химера, выдуманная прекраснородными предками, совесть нынче и не воспринимается.

Ну, а толстовскими «граблями» из басни «Ученый сын» основательно попользовалась перестроечная публицистика в первый, романтический период перемен. Забывший «мужицкое» слово ученый сын живехонько его вспомнил, когда, наступив на грабли, получил удар по лбу. Недавно, в связи с десятилетием книги «Иного не дано», некоторые авторы признавались в своих тогдашних ошибках и заблуждениях...

Сам писатель утверждал, что по его книгам будут учиться «только... два поколения русских... детей», а с тех пор минул век с четвертью, и книжки эти все еще нужны, о чем свидетельствуют хотя бы экранизации и парафразы на тему толстовского «Кавказского пленника». Правда, кинематографисты не учитывают вовсе, что этот рассказ написан для детей, помещен в «Четвертой русской книге для чтения» между басней «Ворона и лисица» и былинной «Микулушка Селянинович» и изложен языком, близким к сказочному. Говоря о работе над этой книгой, Толстой утверждал: «Я изменил приемы своего писания и язык...», что было неизбежно при подготовке круга детского чтения. Это не просто рассказ, это - поучение, наставление, моральное назидание, а заодно ознакомление с историей своей страны, с обычаями и нравами другого народа, с природой Кавказа и т.д.

Толстой здесь отходит от экзотики, называя мечеть «ихней церковью», минарет - «башенкой», сапли - «домиками». Толстой сознательно избегает любовного сюжета, отлично знакомого отечественному читателю по поэмам Пушкина и Лермонтова. Девочка Дина, а не «младшая черкешенка», помогает пленнику бежать. Автор книги умалчивает о множестве мотиваций, недоступных детскому разумению. А вот краткое, почти пословичное и в то же время педагогически наставительное объяснение благородному поступку своего героя дает:

«Костылин говорит:
- Иди один, за что тебе из-за меня пропадать.
- Нет, не пойду: не годится товарища бросать».

По-евангельски: душу свою положить за други своя. На том и закончу, пожелав всем нам почаще заглядывать в книги Льва Николаевича Толстого.